

Просветитель

Татьяна Левченко

Год 1791

Двадцать первого ноября, в глухую ночь, падучая звезда прочертила рыжую стрелу и скатилась в снежно-черный студень речки Смоленки. Феклист со страхом оглянулся и громче затарабанил в дверь. Провернулся ключ, дверь приоткрылась.

— Ты? Что за переполох?

— Матушка Анна Евдокимовна просят спешно. Барин кончаются.

Берг-гауптман Андрей Дерябин вздрогнул:

— Как чувствовал, спать не ложился... Войди. — И наскоро стал одеваться.

Феклист по дороге сбивчиво рассказал:

— Александр Матвейч поутру говорит за кофею — нынче помру, а сам на часы показывает: смотри, остановились! Я ему — и, батюшко, пошли за часовщиком, снова пойдут... А он — погоди, увидишь. Его ж не поймешь, серьезно али нет. И деньги подает, что при себе. Говорит, отдай после Анюте, Анне Евдокимовне, а теперь не говори. Выпил две больших чашки кофею и ушел в кабинет. Вечером слышим, грохнуло. Открыли дверь — он на полу, без памяти... — Голос сорвался.

Во всех окнах дома на углу 17-й линии горел свет. Возле больного хлопотал доктор, худенький седой немец.

Анна Евдокимовна прошептала:

— Уже кровь пускали, и шпанские мушки приложили... Послали за самим Аникитой Сергеичем.

— Этого-то зачем! — вырвалось у Дерябина.

Но уже вошел, тяжело скрипя половицами, невысокий, коренастый человек в волчьей шубе, наброшенной поверх ярко-красного мундира, — директор Горного училища Аникита Ярцев. Анна Евдокимовна кинулась к нему. Дерябин сухо поклонился.

— Удар? — Ярцев прищурился, глянув сквозь Андрея. Поискал глазами икону, не нашел и быстро широко перекрестился, отчего шуба свалилась на пол. — Есть надежда?

— Весьма малая. Бывает, раскаленной иглой удается разбудить тело и тем спасти мозг. Стоит ли доставлять страдания? — Доктор ждал, поглядывая на Ярцева.

— Не надо! — вырвалось у Дерябина. — Пусть отойдет без мучений.

Ярцев распорядился:

— Делайте.

Доктор откинул одеяло, прокалил на свече иглу и погрузил в колено. Нога вздрогнула, Александр Матвеевич пошевелил губами, глаза ожили — увидел Андрея. Дерябин наклонился, пытаясь разобрать слова:

— Язык... во рту не помещается. Анюте не оставь. Сохрани просветитель. Чертежи...

— Где?

— Там... — Взгляд снова уплыл в туман.

Ярцев с досады припечатал к столу кулак:

— Сделайте, что можно!

— Велите принести горячий уголь. — Доктор глубоко вздохнул и, решившись, сделал прижигание.

— Прекратите! — Анна Евдокимовна в сердцах оттолкнула щупленького немца.

У Дерябина поплыло в глазах. Вышел во двор. Огромными хлопьями падал снег. Он брал его с крыльца при-

ФАНТАСТИКА

горшнями, растирал лицо, снег тут же таял и стекал слезами. «Нет, стыдно, вернусь...»

Ярцев, насупившись, шумно дыша, сидел верхом на стуле.

— Эх, Сашка! — Вскочил, отбросил стул и, неожиданно закашлявшись, лбом уперся в замерзшее окно.

Тело уже не боролось. Кожа истончилась, пожелтела, дыхание стало короче, и наконец, вздохнув в последний раз, Александр Матвеевич скончался.

В комнате пахло болезнью, и страшная гарь не улетучилась вовсе, но уже обступила пустота.

— Да упокоится с миром душа его... аминь, — прошептала Анна Евдокимовна.

Доктор, словно в оправдание, произнес:

— В агонии не чувствуют боли. — И, сунув в карман четверо свернутую ассигнацию, ушел.

Ярцев вел возле тела. Никто при нем не смел сказать слова. Через четверть часа молча встал, поклонился вдове и тоже ушел, грузно давя на половицы.

***

— Он правда существует? — спросил Беспалов.

Дерябин подал книгу в сафьяновом переплете, с рыхлыми желтоватыми страницами. «Сочинение о драгоценных камнях г-на Брикмана. Рассмотрено обер-бергмейстером Александром Карамышевым»:

— «Господин Карамышев опытом при лекции доказал, что из всякого непрозрачного шпата можно сей удвояющий камень искусством просветителя получить».

— Ты был на той лекции в семьдесят шестом? Видел, как известняк стал прозрачным?

Дерябин кивнул:

— Видел. Правда, с задних рядов. В день похорон нехорошо, а завтра пойдем ко вдове и честью попросим бумаги Александра Матвейча.

Анна Евдокимовна встретила с заплаканными глазами, но с гордо поднятой головой:

— Ты, Андрей, много хорошего сделал, был рядом в непосланных испытаниях. Жалею, что еще с Петрозаводска не любишь и боишься Аникиту Сергеича. Он же благодетель наш. Нынче деньгами ссудил, не побрезговал приехать. Ради такого пустяка мог и человека за себя послать.

— Какого пустяка?

— Да старые записи Александра, что в коробке пылились, себе забрал.

Дерябин бросился в Горное к Ярцеву:

— Аникита Сергеич! Вам известно об опыте просвечивания камней?

Ярцев ел рыбу, сосредоточенно выбирая косточки и не подымая глаз от тарелки.

— Удивляюсь тебе! Сие действие над плотными телами несогласно с физической натурой.

— Я знаю, что прибор был!

— И что делал? — усмехнулся Ярцев.

— Непрозрачное — прозрачным.

— Грунты, коренную породу — всё? На аршин в глубину, на версту? И кто подсветит снизу? Не вижу смысла. Наука строится на умении описать породу. Геогност расколет камень — и без чертовщины его поймет. Как можно в прозрачном увидеть руду?

— Это загадка, потерянное открытие. Вершина несозданного.

— Безбожник Сашка Карамышев — и чудо? Не смеши! Химию он знал твердо, а в бессмертии души сомневался. Принадлежал к тем воспитанникам столетия, что блещут грубым материализмом. А тебе зачем этот просветитель?

Дерябин еле сдержался, чтоб не ответить грубо:

— Искать рудные жилы. В стальной поковке видеть каверны. Если просветить человека, можно усмотреть начало болезни.

— Думай, что говоришь! Образ человеческий хочешь изменить, сделать людей прозрачными? Ну как Шешковскому донесут.

— Спрошу прямо — чертежи сего устройства у вас?

Ярцев поперхнулся костью, закашлялся и покраснел. Замахал на Андрея руками:

— Вон как заговорил! Знать не знаю про чертежи. А с железной рудой поспособствую. Ты подал в Экспедицию горных дел план постройки оружейного завода на реке Иже. Резолюции получены, ждут моей. Пожалуй, соглашусь. И матушка императрица даст указ.

Беспалов ждал Андрея у него дома.

— Жаловаться в Экспедицию бесполезно, жалоба Ярцеву и вернется, — потерянно сказал Дерябин.

— Андрей, ты не болтлив. Знай, что над Ярцевым есть негласное начальство. Оно тоже ищет свой просветитель. Ослушаться Ярцев не посмеет, но тайну откроет лишь тому, кто признает их власть.

— Черт с ними, если ради дела. Что за начальство?

— Ложа «Феникс», — благоговейно произнес Беспалов.

— Масоны? — удивился Дерябин.

— Да.

Год 1772

Речка Нижний Выг подковой омывает Воицкую гору. В рудной жиле под горой намыли первый в Карелии самородок. Но когда забрались под русло, штрек залило и старатели погибли. Рудник решили закрыть.

Тут главным командиром Олонецких заводов стал Ярцев. В глазах петербургского начальства — средней руки чиновник, а на деле — хозяин дикого края. Власти своей будто не примечал, считая должной. Ловкий и ладный, с медвежьей отметиной на шее, Аникита Сергеевич и внешне не отличался от поморского люда.

Ярцев выписал на рудник Сашу, закадычного друга. В Московской университетской гимназии они держались втроем — Гришка, Сашка, Аникита. Гришу Потемкина отчислили за нехождение в классы, Карамышева послали доучиваться в Упсалу к шведам, а Ярцев нашел себя в горнозаводском деле.

Карамышев заключил, что золото добывалось с неисправностью и неискусством. Через три месяца каторжного труда Воицкий рудник осушили и добыли первый фунт золота.

При Ярцеве был унтер-шихтмейстером, техником то есть, Андрей Дерябин. Самоучка, дерзкий и заводной. Если чего не знал — невежества не стыдясь, жадно спрашивал и охотно брался за всякое дело без страха оплошать. Ярцев ценил расторопность и быстрый ум, но учиться дальше не позволял. Карамышеву Андрей доверился настолько, что ходил за ним повсюду и ловил каждое слово...

Как-то за шумным столом в кабаке Карамышев спросил:

— Хочешь в Питере учиться?

— Хочу. Очень. Мечтаю оружейные фабрики наладить по Уралу, подальше от границ. Ведь если что — останемся без пушек. Два завода всего, Сестрорецкий да Тульский. А по Каме и лесу много, и воды, чтоб на заводах колеса крутить, да и руда — чуть не под ногами лежит, только бери.

— Большие планы... Однако молчи. — Карамышев оглянулся. — Ярцева не переупрямить, а помешать сильно может.

В наклонный лаз ползет мокрая глина. Маркшейдер Карамышев и шихтмейстер Дерябин спускаются в сладковатое тепло главного рудничного хода — квершлага. Янтарем горят лампы. Сквозь влажный воздух, налитанный солью и взвесью руды, просвечивают дальние отводы рудника. Коногон катит вагонетку. Работники вольные, из поморов — бородатые мужики в широких рубахах и портах до колен. На головах самоедские меховые шапки, за поясами длинные ножи.

Тлеет костер, пахнет подгоревшим хлебом. Щипцами что-то тянут из огня. Дерябин перехватывает щипцы:

— Александр Матвеевич, смотрите — цитрин! В тесте запекают мутный кварц, а получается... Горячо, не ожигитесь.

Тесто расчистили острым поморским ножом. Стали видны прожилки, границы масс, пустоты. Карамышев любовался и перекидывал горячий камень в руках, как печеную картошку.

Только вернулись в Петрозаводск — позвали к Ярцеву. В епанче, грязных сапогах и даже не отстегнув пистолеты, Карамышев вошел в контору. Ярцев прохаживался вдоль стола. Остановился против Дерябина и тихо, отчетливо спросил:

— Скажи, Александр Матвейч, верно, что хочешь сего шихтмейстера забрать в Петербург?

Карамышев молчал... Ярцев стал багровым.

— Не вздумай!

— Не быть по-твоему, Аникита...

— Что? — рявкнул Ярцев. — Урядник, двоих сюда, быстро!

Спешно вошли двое солдат. Ярцев указал на Карамышева:

— В штыки его, арестовать!

Александр Матвеевич медленно поднял заряженные пистолеты:

— Первого, кто притронется, — застрелю...

Вытолкнул Андрея на улицу. Взяли на подворье чьих-то оседланных лошадей и ускакали домой. Никто за ними не гнался.

На другой день Карамышев сидел с Ярцевым за одним столом, шутил, чокался горячим вином. Долгое было застолье... В два часа ночи Дерябин услышал стук — мальчишка, посыльный из конторы:

— Андрюха, затаиться тебе велели. Александра Матвейча свели на гауптвахту!

За взведенные на чиновника пистолеты полагалась крепость, следом — лишение дворянства. Каторга. Но об этом Карамышев старался не думать. Резался в дурачки со сторожившим его солдатом. Колода истрепалась, и меткий глаз служивого легко различал карты.

— Ты, братец, жулишь! — догадался Александр.

Тот сознался:

— По явному невидимое примечаю.

Александр отложил карты:

— Верно...

Вспомнил набухший светом сырой воздух олонечкой шахты — и цитрин, преображенный в костре... Хорошо. Если нагреть в вытяжном шкафу стеклянную шихту, добавить фосфор и кобальт — что получится? Светящееся от теплоты стекло. Поместить его перед нагретым минералом. Может, тогда явится внутреннее существо камня, подобно тому, как сидящего за ширмой человека обнаруживает тень от зажженной свечи? Те особенные красные лучи сделают видимой натуру камня!

На клочке бумаги Александр сделал рисунок. Теперь было с чем ехать в Петербург.

Между тем рапорт Ярцева достиг Берг-коллегии, и прислан был ответ — Карамышева отправить в столицу. И вернуть шпагу. Отдельный запечатанный пакет надлежало отдать ему в руки. Александра Матвеевича сразу выпустили из-под стражи.

Ярцев подал шпагу и сургучный пакет:

— Не держи зла. Сдай находящегося при тебе шихтмейстера Дерябина, и счастливого пути.

С равнодушным небрежением Карамышев отвечал:

— Дерябин еще раньше отправлен в Петербург. С планами, — и подмигнул. Отойдя в сторонку, распечатал пакет.

Ярцев сделал распоряжение и присел на завалинку. У дома выставили караул. Сложили вещи. Последней осталось нести постель. В нее и завернули Андрея. Нести пришлось для виду небрежно, и так же швырнули в повозку.

В душевной перине с клопами Дерябин проехал первую вольную версту. За городской заставой, потеряв ушибленную руку, уселся на задах, провожая родную сторону:

— Александр Матвеевич, верно, вы во мне что-то разглядели.

— Вот выучишься в Горном училище — и сам разглядишь.

— В Горном? Разве есть такое?

— Недавно образовано, — протянул присланный пакет. — Так что главные экзамены у нас впереди.

Извозчики и сами объезжали стороной угол 22-й линии и набережной Невы, и пугали седоков. Якобы на задах каменных домов, что недавно выкуплены в казну от графа Шереметева, разверзлись врата самого подземного царства. И только студюозусы во главе с преподавателем минералогии Карамышевым бесстрашно спустились на занятия в примерный рудник, наскоро перекрытый бревенчатым накатом. Жутковато там было, отовсюду сочилась вода, ее несколько раз в день откачивали помпами. Но из стен зато выглядывали диковинные камни — Александр Матвеевич не пожалел для учебного рудника часть собственной коллекции минералов. Не о просветителе он пока думал, а о просвещении.

Год 1775

Старинный приятель, владевший большим домом на Миллионной, позвал Карамышева в гости. Вопреки ожиданию в карты играть не усадил, а поделился радостью:

— В январе женюсь. Правда, невеста старше на десять лет, да разве молодая за кривого пойдет?

— Рад душевно, Гриша! Приданое-то есть? — простодушно спросил Карамышев.

— Вотчина большая, но хлопотная, а приказчики — одно жулье. Да других негде взять.

— Зачем же женишься?

— Как зачем? — удивился Потемкин. — По любви! А к тебе, Саша, у меня приватная просьба. Получишь моим именем деньги и поезжай в Первопрестольную. Снимешь там дом, а после занимайся своими делами, пока не позову. Берг-коллегию известим, что ты послан искать допетровское цветное стекло для моего завода.

— Будут тебе на свадьбу хрустальные цветы.

— Только б не разбить... Ну, с Богом. — Князь ручищами своими сгреб Александра в охапку и на прощанье трижды, по обычаю, поцеловал.

Карамышев сторговал в Москве, в начале Хлебной улицы, оранжевый купеческий домик на вековом каменном подвале, с полукруглым окошком в мезонине. Подправил, обставил и стал ждать. А чтоб времени даром не терять, делал белые чертежи просветителя — один для себя, второй Потемкину, который эту забавную штуку обещал купить в казну.

По чистому сахарному снегу прикатила под вечер карета шестериком на скрипучих полозьях — в пять зеркальных окошек, с двумя форейторами «на унос». Александр сам опустил ступеньку, подал руку даме в приталенной шубе и меховой венгерской шапке с кистями.

— Поторопитес, Марья Саввишна, — по-русски чисто, но на немецкий лад суховато, сказала дама спутнице. — Нечего мешкать, не май месяц.

На другой день поехали в церквушку с покосившейся колоколенкой — на пригорке, где сходятся Большая и Малая Никитские. Священнику за молчание дали триста рублей, дьячка припугнули бесплатно. Когда обряд закончился, Потемкин пообещал выстроить тут «большую церкву с колоннами».

Перед отъездом князь лениво проглядел чертежи и запечатал своим гербом. Потом подал Карамышеву, тоже под сургучом, бумагу о венчании:

— Мне у себя хранить нельзя, скоро с турком воевать поеду. Держи, из рук не выпускай. За эту грамоту кое-кто дорого бы дал. Пока не улягутся слухи, живи в Москве. Раньше лета в Петербурге не появляйся! — Хлопнул Александра по плечу, и зеркальная в пять окошек карета помчалась по Тверскому тракту.

Остался Карамышев в редкостном положении — с карманами, полными денег, и совершенно один... Впрочем, скоро нашлись знакомства. Дом Трубецких у Покровских ворот по странной архитектуре прослыл комодом. А по дому и семейство называли Трубецкие-комод. В доме составила картежная компания, в которую удивительно легко приняла Карамышева.

За ломберным столом, кроме Никиты Трубецкого, сживали князь Гагарин, архитектуры гезель Баженов и арендатор университетской типографии Николай Новиков.

Одного не знал Александр — что вся компания также называлась ложей «Гармония» и водила дела, за которые не поздоровилось бы в столице, где на масонов постепенно открывались гонения.

В домике на Хлебной кто-то побывал. Соседский лакей Савва почтительно остановил Александра и показал, где вынимали зимнюю раму. Что искали, Карамышев знал, кто — догадался.

От дома-комода веяло веселой опасностью. Однажды проигрался Александр до нитки. Час был поздний. Трубецкой держал банк, друг против друга сидели Карамышев и Василий Баженов.

Баженов сказал:

— Этот дом — презабавный, недаром зовется «комод». Всюду тайные пружины, секретные кнопки. От Воскресенья в Барашах сюда идет подземный ход. Ходят слухи, что в той церкви когда-то венчаны морганатическим браком царица Елисавета и князь Разумовский. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Что вы от меня хотите? — Карамышев решил тянуть время.

— Возможно, при вас бумага от генерал-аншефа Потемкина.

— Что с того? Я ученый, у меня много бумаг.

— Видно, плохо ученый, раз коснулись династических тайн. Вы знаете, я человек честный — за столом не передергиваю, за спиной не перешепываю. Отдайте бумагу. Князю скажете, что на вас напали и грамоту пришлось уничтожить.

— Зачем она вам?

— Сия брачная запись в руках цесаревича Павла окажет большое влияние на его мать.

— На всемирнолюбившую государыню императрицу.

Баженов покачал головой:

— Нет, уже просто на мать. Возвысившись, Павел станет защитой масонскому братству. Многие из нас уже познали опалу.

— А если я встану и уйду?

Баженов зашептал:

— Скажу единственно по доверию — один из офицеров ложи назначен проводить вас до дома. Донесете ли свою ношу — зависит от него, сохраните при этом здоровье и саму жизнь — неведомо. Велик соблазн легким путем обезопасить себя от страха перед будущим.

— Это вы, на словах верующие, называете грех убийства в подворотне «легким путем»?

— Доверьтесь судьбе!

— Хорошо. Сыграем! Вот мой куш. — Александр вынул пакет с печатью светлейшего.

Баженов с Трубецким согласились. Карамышеву всю партию шли козыри, но он искусно поддался:

— Отдаю бумагу — с условием, что сломаете печати не раньше, чем выйду за порог. Иначе тут же сожгу пакет на свече. При мне дворянская шапага, и я за себя постою.

Баженов кивнул. Перед самой дверью Карамышев отдал засургученный конверт. Дом стоял на изломе Покровки, на выгодном для обзора пригорке. В обе стороны улица была пуста. Александр свернул во дворы. За полосатой будкой по крутой деревянной лестнице поднялся на гребень стены Белого города. Дом-комод отсюда как на ладони. Темные фигуры суетливо выскочили со двора и побежали в разные стороны. Александр усмехнулся и, пригибаясь, пошел прочь.

Спустился в Архангельском переулке, на задах Меншиковых палат, и пошел к Мясницкой. Каждую ночь отсюда в Петербург гнали гурты скота. Хозяин обоза протянул крестьянский тулуп и мохнатую шапку:

— Залазь, мил человек, с ногами на телегу, а то будошник по сапогам барина признает.

Миновали Золотую и Житную решетки, показалась Тверская застава. Карамышев поблагодарил спасителей и направился в знакомый трактир. Там переночевал, а утром нанял ямщика и на сдаточных за неделю добрался до Петербурга.

Потемкина в городе не было. Не медля, Карамышев отвез запечатанный пакет его любимой племяннице Санечке, Александре Энгельгардт.

— А что же вы отдали злодеям?

— Собственные чертежи.

Год 1776

Начальником над механическими мастерскими Академии был «дикийнанный рукотворец» с окладистой бородой — посадский из Нижнего Новгорода Иван Петров Кулибин.

— Можешь ты, Иван Петрович, сделать по чертежу прибор, просветляющий камни? — спросил Карамышев.

— Были б чертежи верны и заказчик не ершист. А то знаешь — чужие руки легки, да не по сердцу.

— Я не из таких. Но много не заплачу.

— Сговоримся, загад не бывает богат. За беспролетный мост казна выдала две тысячи рублей. Если твоя штука интересная, сделаю как для себя, бесплатно. Все ведь под случаем ходим. А что везет с сильными — так авось от всея души светлейший князь Григорий и сама матушка ко мне отнесли, а не по корысти моей. Языком я ведь боле шершав, чем гладок, — по здоровью не гожусь в лизоблюды. Что ж, не придется ко двору — уеду в свой Нижний, не клятый — не мятый, часы чинить да лапу сосать.

Кулибин не обманул, в две недели окончил работу. И вот — аудиториум заполнен студентами в алых мундирах с белоснежными воротниками. На почетном месте директор училища Соймонов. За кафедрой — преподаватель. Се-

ребряные эполеты, вензель Екатерины, на лакированной португее медная бляха со значками горных принадлежностей. Кортик в костяных ножнах. Да еще шляпа. Треуголка с пышным шелковым бантом и золотыми кистями.

— Нынешнее занятие будет практическим. — Карамышев подошел к необычного вида устройству с прозрачной передней стенкой, за которой был виден зажатый в тисках обломок известняка. Внутри клубился пар, наружу вырывался едкий запах. Карамышев повернул призму, и на камень упал расколотый луч света. Там, где исчезал красный цвет, загадочная теплота на секунду сделала камень почти прозрачным. Невидимый луч, делающий скрытое явным. Студенты ахнули, а Соймонов произнес:

— Господь являет нам величие Свое!

Карамышев покачал головой:

— Вернее сказать, природа являет возможности, скрытые доселе от ума людского. Для науки нет незримых преград. По силе и особенности такого свечения отныне можно будет судить о свойствах твердых тел. Станет явным подземельное богатство. И простое знание о земле — геогнезия станет наукой открытия земли — геологией.

Карамышев убрал призму, и известняк сразу стал прежним, непрозрачным.

Через несколько дней просветитель опустили в примерный рудник, чтоб каждый студент мог видеть его действие. Солнечный свет заменила свеча. Карамышев ходил в приподнятом настроении, строил радужные планы на будущее. Соймонов обещал помочь.

Два месяца продлились обещания, а потом Соймонов перестал приезжать к должности. Через Берг-коллегию стало известно, что по расстроенному здоровью он выходит в отставку и уезжает в заграничное путешествие. Следом пришла вторая весть — в Петербург переведен Ярцев. По новой должности своей секретаря Гражданской палаты он назначен проверить работу Горного училища — «уж слишком вольно они там живут». Встретив его, Карамышев не чинясь, как равному, протянул руку. Ярцев холодно кивнул.

В скором времени от Аникиты приехал невзрачный ассессор, вызвал Карамышева к себе и потребовал отчета:

— Был у вас с директором Соймоновым сговор о похищении казенных средств?

— В жизни не брал чужого!

— Ежели по доброй воле не сознаетесь, ночевать вам в каземате.

Карамышев не поддался и под присягой подтвердил, что денег не брал. Ассессор уехал.

Вечером Александр пил чай — и вдруг чашка выскользнула из рук. Голова закружилась, затошнило. Через минуту потерял сознание.

Очнувшись, увидел — врач закатывает ему рукав. Нож полоснул по вене. Черную кровь выбрасывало толчками. Рану пекло, и боль доказывала, что он пока жив.

Провалился три недели. А в это время по-другому пошли дела в Горном. Примерный рудник затопило — Ярцев посчитал, что нечего тратить деньги на «баловство». Воду откачали, но Карамышеву с тех пор Горное училище стало словно чужим. Просветитель, бывший в затопленном руднике, рассыпался на части.

На это же время пришлась размолвка покровителя Александра, князя Потемкина, с императрицей. Ко всеобщему изумлению, светлейший попросил дозволения удалиться в южное наместничество, якобы для поправления здоровья. В случай при дворе вошел Завадовский.

Карамышев всегда имел склонность к карточной игре. Теперь же все меньше времени уделял он службе и все больше

заводил картежных знакомств. В недолгом времени сделалось дома общество, и пошла игра. Дни и ночи просиживали. Бывали и драки. Ворота запирали, и если присылали от начальства, то велели сказывать, что болен и не принимает.

Приданое жены в два года было прожито на карты. Вещи в ту же дорогу пошли. Часто бывало, что и за квартиру нечем заплатить.

Дерябин, став студентом, не оставлял Карамышева в нуждах. Он знал места, где собирались игроки. Когда случалось, что присылали из Берг-коллегии или Горного, Дерябин брал верховую лошадь, сыскивал Карамышева и привозил в должность. Прежде всем обязанный Александру Матвеевичу, Андрей ныне умолял его не губить себя:

— Вы можете скоро потерять честь, здоровье, даже и жизнь! Мне стыдно говорить, но неужто вы не знаете, что у Анны Евдокимовны нет уж имения, которым можно содержать себя и дом? Ведь оно вами продано! Вы сегодня выиграли, я знаю, так отдайте хоть на содержание дома.

Карамышев молча подал кошелек.

Год 1779

Блестяще окончив Горное училище, Андрей Дерябин получил назначение на Нерчинские заводы. Но вскоре был послан за границу для обозрения английских, немецких и французских рудников. В поездке Андрей собрал богатую коллекцию минералов. Много лет спустя, как и его учитель, Дерябин пожертвовал свое собрание в минералогический кабинет Горного корпуса — так стало называться бывшее училище.

Летом 1779 года в Берг-коллегии освободилось место действительного члена. Карамышев надеялся его занять. Обнадежил и Потемкин, снова постепенно входивший в силу, наездами бывавший в Петербурге. Но неожиданно победила другая протекция. Фаворитом в то время был Корсаков. Ярцев сумел через знакомых добиться его расположения и вошел в Берг-коллегию вместо Карамышева.

Через любимую племянницу Потемкина, камер-фрейлину Александру Энгельгардт, Карамышев подал письмо императрице:

«Я человек брошенный, и свет на меня смотрит, как на прослужившегося. После многолетней службы обойден я младшими, передо мной затворены двери и не доходят милости, Государыней сделанные. Жизнь моя зависит от успеха по службе, но новые открытия наделали только неприятностей. Обещаны орден, дом — где они? Земля, что дана по докладу, у генерал-прокурора находящемуся, оставлена до окончания земляного строения. Пробирной палаты не дали, а дом под нее уступлен под казармы. Все сии милости, однако, мне сделаны, и число завистников умножилось».

Нынче, зная, что открылась вакансия в иркутский банк директором, как милости Вашей, прошу определить меня к сей должности».

Вместо эпилога

На десять долгих лет разошлись пути Дерябина и его учителя. Когда в 1789 году Карамышев вернулся в Петербург, Андрей спросил, нет ли у него желания возобновить прежние опыты и восстановить просветитель. Спросил — и пожалел, увидев погасшие глаза некогда блестящего ученого, члена-корреспондента Петербургской и Стокгольмской академий наук.

Последние два года жизни Александр Матвеевич занимал рутинную должность и только несколько коротких заметок напечатал в «Новых ежемесячных сочинениях». Однажды, изрядно выпив, он рассказал Андрею историю своего бегства из Москвы и того, как чертежи просветителя попали к масонам. Потом из Первопрестольной долетали странные слухи. Будто масонов собирались арестовывать в доме-

ФАНТАСТИКА

комоде, однако на глазах полицмейстера стены якобы растаяли, и «бунтовщики» разбежались, вызвав суеверный ужас городских. Карамышев невесело рассмеялся.

В отличие от Карамышева, Андрей Федорович Дерябин добился в жизни всего, чего хотел. На Ижевском заводе в Вятской губернии была им построена оружейная фабрика. Вокруг вырос город. Когда пришлось его покинуть, Дерябин забрал с собой мальчишку, оставшегося сиротой, — Пашку Аносова, и определил учиться в Горный корпус. Того Аносова, что через тридцать лет раскроет секрет булатной стали.

Все эти годы Дерябин не забывал о загадке потерянного открытия. И хотя среди масонов он достиг высокого градуса посвящения, трудно сказать — верил инженер-географ тому, что говорилось на заседаниях ложи, или думал о чем-то своем. Что касается чертежей просветителя, то попытки узнать их судьбу остались тщетными. Все указывало на то, что Ярцев уничтожил бумаги, полученные от вдовы Карамышева.

В 1817 году случилась с Андреем Федоровичем беда. Он входил в ближний круг Сперанского — наставника и друга императора Александра I. Оба, Дерябин и его покровитель, были мастерами ложи «Полярная звезда». Когда Сперанский оказался в опале, ложу запретили по указанию Аракчеева. В России заслуги ничто, а фавор — все. Дерябин был разжалован и оказался в добровольном изгнании в захолустном местечке Гомель Могилевской губернии. Последние годы он тяжело болел и был почти полностью разорен. Если бы не друг и дальний родич — граф Румянцев, — пришлось бы совсем туго. В его родовой усадьбе Дерябин и прожил последние годы, там и скончался.

Незадолго до смерти навестил его гость из столицы. После условного рукопожатия брат-масон рассказал, что по приказанию высшего начальства привез предмет, больше сорока лет принадлежавший разным ложам. А началось все с ложи «Гармония», где мастером стула был князь Гагарин. Как сказал визитер, «сей предмет употреблялся при занятиях, дабы являть невидимое в зеркале просветленной души».

Сладко заныло сердце. Дерябин представил, что в окованном медью дорожном сундуке хранится таинственный просветитель его учителя Александра Карамышева, тот, который он безуспешно искал всю жизнь.

Но стоило ли теперь открывать этот ящик Пандоры? Несмотря на все свалившиеся на него напасти, Дерябин не чувствовал себя обиженным. То, что удалось сделать, в его глазах стоило и опалы, и этих последних жалких лет в глуши. Что важнее — упорство или гений? Случайная удача или тяжкий труд? Он не знал ответа. Но часто размышлял, глядя на запоздавшую посылку, так и оставшуюся неоткрытой.

Сундук этот Дерябин завещал отвезти в Ижевский завод и замуровать в подвалах главного заводского корпуса, что под башней с курантами. Но исполнили его волю или нет, он уже не узнал.

В 1820 году Андрей Федорович Дерябин скончался.

